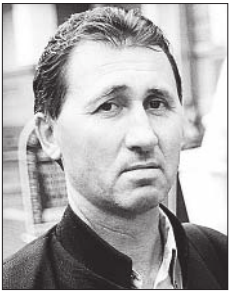

Сергей КУЗИЧКИН

Красноярск

Редактор «Енисейки». Член Союза писателей России.

ПЛАНЕТА МАЙКЛА

Фантастический рассказ

1.

Небо на востоке потемнело: огромная, всепоглощающая туча медленно двинулась мне навстречу. Я заторопился: нужно было как можно быстрее выбрать подходящую площадку и произвести посадку винтолёта, иначе с минуты на минуту поднимется ураган такой силы, что подхватит машину, как песчинку, и наверняка расшибёт о скалы. Сделав полукруг над расположенным внизу каньоном и облюбовав большой ровный выступ с западной скалы, я решил идти на посадку.

Когда до поверхности оставалось метров пять-шесть, вокруг совсем стемнело, и на винтолёт обрушился водяной шквал. Я захлопнул наружные защитные шторы и, едва машина коснулась тверди, включил закрепляющий бур. Потребовалось полминуты на то, чтобы полутораметровый бур вгрызся в камни до отказа и автоматически отключился. В кабине зажёгся свет, и я, усевшись в кресле поудобнее, начал размышлять. Времени у меня для того было предостаточно — почти час. Ровно столько, сколько будет длиться этот бешеный ураган и хлестать обрушившийся, словно водопад, ливень. Через час всё стихнет, и тогда у меня будет добрых два-три часа для поиска Майкла. За это время нужно как можно тщательнее исследовать большую часть территории, ибо по истечении этих двух-трёх часов Проспер так прогреет эту половину планеты, что выпавшая дождём и залившая все низменности и равнины вода начнёт испаряться. И тогда, чтобы избежать катастрофы, мне вновь придётся искать место для посадки. Потом, правда, у меня останется

ещё последних часа четыре — после того как закончится испарение и пока на востоке будет формироваться гигантский циклон, который затем снова обрушится на сушу беспощадным ливнем и принесёт с собой свирепый ураган. До следующего ливня надо обязательно найти Майкла. Потом будет поздно. Потом нужно будет возвращаться на звездолёт.

«Неужели Майкл попал в бурю и разбился о скалы? Нет, нет!» — отогнал я от себя эту мысль. Какую-нибудь оплошность мог допустить я, но только не Майкл: всегда расчётливый и осторожный, он уже который год назначался старшим во всех группах высаживаемого десанта исследователей планет в различных звёздных системах.

2.

Звезда Проспер, названная нами так в честь французского писателя Проспера Мериме, на первый взгляд ничем особым из своей подгруппы звёзд не выделялась. Обыкновенный жёлтый карлик. Приборы зафиксировали, что она в два раза моложе Солнца, а компьютер сообщил, что опыт исследований подобных звёзд ещё сотню лет назад был накоплен нашим экипажем — экипажем звездолёта «Поиск». Совет экипажа уже было принял решение пройти мимо Проспера, как вдруг тот же самый компьютер, ещё раз проанализировав последние показания приборов, выдал: звезда — на грани вспышки! Астрономы и астрофизики срочно провели между собой совещание, на котором разгорелась долгая и бурная дискуссия, не приведшая, однако, ни к единому мнению, ни к объяснению этого феномена. От их имени на экстренном совете экипажа выступил Ференц. Он заявил, что ему поручено передать требование, которое заключается в следующем: перед нами явно неординарная ситуация, которая противоречит всем ранее известным законам о рождении и эволюции звёзд, и потому нужны немедленные глубокие и детальные исследования светила.

Даже наш самый яркий скептик Жак, относящийся ко всему с недоверием, заявил, что это что-то интересное и что он даже сам готов принять участие в исследованиях планет. Пояснил он свой возросший интерес тем, что мы-де находимся не в нашей солнечной периферии, а в центре

Галактики, почти у самого её ядра, а потому нас могут ожидать любые сюрпризы.

Решение было принято единогласно, и мы начали исследование Проспера. После необходимых анализов и расчётов была установлена точная дата вспышки. Времени оказалось достаточно, и потому совет экипажа принял ещё одно решение: исследовать планеты. Их у Проспера было семь, и каждая из них получила название по имени кого-нибудь из членов нашего экипажа. Это было давнишней традицией, зарождённой ещё в самом начале полёта некогда интернациональной экспедиции, состоящей из представителей нескольких стран. Теперь, по истечении трёхсот лет космического времени после старта «Поиска», вряд ли кто мог определить национальность того или иного члена экипажа.

Остались только имена, которые давали (за редким исключением) строго по списку выбывших. И тот, чьим именем называлась открытая планета, обязательно должен быть в составе высаживаемой на эту планету группы. Четвёртая от Проспера планета получила имя моего друга Майкла. И, следуя традиции, мы с Майклом вчера совершили высадку на эту планету.

Исходя из того, что каждая из семи планет системы делает оборот вокруг собственной оси за различное количество времени, было решено установить единый временной цикл и взять нашу планету — планету Майкла — за эталон. Это означало, что как только она завершит третий цикл вращения вокруг собственной оси, то на всех семи планетах системы должны завершиться все работы и все группы исследователей обязаны возвратиться на «Поиск». Наш планетолёт (как, впрочем, и все остальные) был отлично оборудован. На нём имелись три винтолёта, капсула для сбора минералов, растительности, микроорганизмов или мелких живых существ (если таковые имелись), скафандры с терморегуляторами, аптечки незамедлительной медицинской помощи, лучемёты для полнейшей безопасности и приборы ОСА — определители стрессовой амнезии, способные установить в любое время стрессовую дозу у человека, впавшего в шоковое состояние, а при необходимости (при потере контроля над собой) ввести его в состояние глубокого затяжного сна.

Сделав за сутки несколько оборотов вокруг планеты и хорошо изучив периоды изменений погоды, мы совершили посадку на высокогорном плато, с западной стороны высокой отвесной скалы, что позволяло нам защитить планетолёт от сильного восточного ветра.

После того как мы, по выражению Майкла, «вгрызлись» пятиметровыми закрепляющими бурами в поверхность, мой командир тщательно проинструктировал меня, и мы, разбив планету на условный экватор и множество квадратов, принялись за её исследование.

За двадцать часов, отведённых для начального обследования, я почти полностью «прошёл» свою половину и на аккуратно составленной карте полушария обвёл кружочками лишь два «белых пятна» — места труднодоступные и, согласно инструкции, запрещённые для обследования в одиночку. Собрав несколько килограммов заинтересовавших меня минералов, я тем не менее не обнаружил и намёка на существование следов какой-нибудь примитивной жизни. Дважды за это время я выходил на связь с Майклом. Он, как всегда, был весел, много шутил и пытался заразить меня своим оптимизмом. Ровно через двадцать часов я вернулся на планетолёт. Майкла там не было. Не появился он ни через условный час, ни позже — через резервный. Я несколько раз пытался вызвать его по видеосвязи, но экран монитора вырисовывал лишь мелькающие в разных направлениях всевозможные полосы.

И тогда я включил аварийную связь с «Поиском».

У пульта дежурил Андрош. Аварийный сигнал застал его в тот момент, когда он передавал что-то на пятую планету.

— Что случилось, Глеб? — спросил он удивлённо.

— Майкл не вернулся к назначенному времени и не выходит на связь,— на одном дыхании выпалил я.

— Майкл — опытный исследователь, работающий без ошибок,— проговорил Андрош,— и если он не вернулся, значит, случилось что-то непредвиденное... Я полагаю, Глеб, тебе немедленно нужно отправиться на его поиск. Тем более времени остаётся...— Андрош взглянул на атомные часы,— менее одиннадцати часов...

— Почему?! — вырвалось у меня.— Ведь ещё почти сутки!..

— Нет, Глеб, твой вызов застал меня за передачей сообщения на пятую планету — планету Лиды — о том, что все работы прекращаются в ближайшие двенадцать часов, и прекращаются они по всей системе. Дело в том, что сроки вспышки изменены...

— Как изменены?! Андрош, ведь всё рассчитано до секунды!

— Видишь ли, Глеб, нам удалось установить контакт с представителями сразу двух цивилизаций. И одна из них сообщила нам, что вспышка Проспера вызвана искусственно...

— Искусственно?!

— Да. Потому и произошли изменения во времени. Но подробности после, сейчас немедленно отправляйся на поиск Майкла. Теперь надежда только на тебя. Посылать дополнительную группу бессмысленно — она достигнет планеты лишь через пятнадцать часов, а через одиннадцать, я повторяю, тебе нужно её покинуть. Запомни: одиннадцать — это максимум, только тогда ты успеешь, вернее, вы успеете уйти из критической зоны до вспышки... Торопись, Глеб, впереди много интересной работы. Мы ждём вас с Майклом...

3.

...Стук по кабине винтолёта прекратился. Дождь закончился, и я приоткрыл защитные шторы. Вокруг светлело. Туча медленно уползала на запад. И вот из-за её края показался кусочек Проспера и ослепительно брызнул в глаза. Нажатием кнопки я откинул защитные шторы до самого конца и, на секунду зажмурившись от яркого света, хотел было нажать кнопку обратного хода бура, как вдруг увидел... На мгновение я оцепенел. Прямо передо мной, на фоне входа в пещеру, стоял винтолёт! От волнения я не сразу нащупал рукоятку дверцы, чтобы повернуть её и выйти из кабины. Сомнений не было: это был винтолёт Майкла! Левая дверца машины была чуть приоткрыта, и потому вода во время ливня проникла вовнутрь, намочив кресло и полик. В кабине всё было так, как будто из неё только что и ненадолго вышли. Бесшумно работал вентилятор, оранжевыми огоньками светилась приборная доска, показывая, что предохранительный бур не закреплён даже на четверть, а небрежно брошенные

страховочные ремни свисали по обеим сторонам кресла. В самом же кресле лежал разряженный лучемёт, а возле второй дверцы — разбитый вдребезги прибор ОСА.

Я обошёл машину и остановился возле входа в пещеру. Согласно инструкции, принятой экипажем «Поиска» много лет тому назад, при одиночном обследовании пещер, ущелий и других труднодоступных объектов разрешалось углубляться (заходить, опускаться, подниматься) не более чем на двадцать метров. Приравняв один свой шаг в среднем к восьмидесяти сантиметрам, я высчитал, что мне предстоит сделать двадцать пять шагов, и, включив вмонтированный в перчатку микроэлемент фонарика, двинулся вперёд. Чем дальше я продвигался, тем более узкой и низкой становилась пещера, и мне приходилось то и дело нагибаться и перешагивать через большущие камни, что мешало делать чётко размеренные шаги. После восемнадцатого шага пещерный коридор сворачивал влево. Я остановился и пошарил лучом по стенам в надежде отыскать какой-нибудь опознавательный знак, но ничего не обнаружил. Это уже совсем не было похоже на Майкла.

На повороте потолок стал выше, дальше можно было снова идти в полный рост. Пройдя положенные двадцать пять шагов и не обнаружив даже намёка на след Майкла, я не придумал ничего лучшего, как крикнуть в глубь пещеры:

— Майкл!

— Майкл! Майкл! Майкл! Май...— понесло эхо крик в глубину, постепенно затухая.

— Майкл...— минуту спустя где-то в необозримой дали услышал я почти шёпот и хотел закричать снова, но звук вдруг стал нарастать.

— Майкл! Майкл! — это слышалось всё громче, отчётливее, но уже где-то за моей спиной.

— Майкл! Майкл! — это кричало уже каким-то не моим, душераздирающим голосом и наконец, превратившись в нестерпимый вой, упало сверху прямо на меня: — Майкл!!!

После этого наступила тишина. Звенящая тишина. В ушах стоял какой-то тихий звон, и я, подумав о слуховых галлюцинациях, потерял, очевидно, над собой контроль и непроизвольно сделал два шага вперёд...

— Не стоит нарушать инструкцию, Глеб! — услышал я чётко и громко произнесённые слова и снова замер в оцепенении.

— Глеб! Глеб! Глеб! — понесло эхо вдаль последнее слово, и через минуту оно снова упало у моих ног, пронзив насквозь всё тело и пригвоздив ноги к полу.

Казалось, что сердце моё оборвалось. «Так и есть — галлюцинации. Слуховые галлюцинации от напряжённой работы мозга. Галлюцинации!..»

Продолжавшаяся затем с полминуты пауза показалась мне вечностью. Я слышал, как бьётся моё вернувшееся на место сердце — с каждым ударом всё громче и громче. Чувствовал, как учащается пульс и даже как переводятся секундные цифры на ручных электронных часах. Пять... Шесть... Семь... Восемь... Девять...

Кровь хлынула к вискам: «Галлюцинации!»

— Инструкция — закон для астронавта, ты ведь знаешь это, Глеб, как знаешь и то, что инструкции надо выполнять, потому как писаны они ценою человеческого опыта, ошибок и жертв.

Я ещё не вышел из оцепенения, но где-то в подсознании уже мелькнула мысль о том, что я слышу голос Майкла. Конечно, это Майкл! А кого же я искал и собирался обнаружить здесь, в этой пещере, да и вообще на этой пустынной каменной планете, которую через несколько часов испепелит Проспер?!

Но почему Майкл нарушил инструкцию?..

— Ты, наверное, подумал сейчас о галлюцинациях? — проговорил вполголоса Майкл.— Напрасно. Меня не видно потому, что я нахожусь за выступом. Вот здесь.

Луч фонарика ослепил мне глаза.

— Я понимаю, что тебя сейчас терзают сомнения,— сказал Майкл, убирая свет,— как понимаю и то, что ты так и не включал видеофон в моём отсеке, а следовательно, не обнаружил собранные мною минералы в шкафу третьего сектора. Да ты и не думал об этом. Ты просто искал меня.

«Да,— согласился я мысленно,— если бы я обнаружил минералы, оставленные Майклом, то наверняка включил бы монитор и понял, что он оставил видеозапись».

Майкл вышел из укрытия и взмахом руки предложил мне следовать к выходу.

Пока я шёл обратно по казавшемуся мне теперь бесконечным пещерному коридору, дважды ударился головой о каменные выступы, напрасно пытаясь выстроить мысли в одну логическую цепочку. Не получалось и получиться не могло, потому что я не знал главного: что же произошло с Майклом?

Когда наконец мы вышли из пещеры, я увидел лицо Майкла, совершенно спокойное... Даже более чем спокойное — на лице его застыла какая-то доселе мне незнакомая ухмылка. И я вспомнил Петра. Тот самый случай, когда на планете Эжены, в системе звезды Оэллы, Петром чуть было не пообедал гигантский ящер. Пётр тогда впал в шок и нёс всякую чепуху, утверждая, например, что он является вождём аборигенов. Помня это, я на всякий случай сунул руку в карман комбинезона и нащупал прибор ОСА.

— Выслушай меня, Глеб, и, пожалуйста, не перебивай,— сказал Майкл, усаживаясь на камень у входа.

— Только не перебивай,— повторил он,— времени у нас остаётся, как ты знаешь, не так уж и много... Дело в том, дорогой мой друг, что я больше не считаю себя ни астронавтом, ни членом экипажа «Поиска». И вообще — я остаюсь здесь, на этой планете, которую, как мне помнится, назвали моим именем... Да-да! Только я прошу ещё раз: придержи, пожалуйста, свои эмоции и не задавай мне никаких вопросов. Я всё постараюсь объяснить, хотя... Не уверен, сможешь ли ты меня понять и, главное, захочешь ли... Ты ведь знаешь, что я, как и почти все члены нашей экспедиции, родился в звездолёте в то время, когда он мчался среди космического холода мириад немигающих звёзд вперёд, по намеченному нашими предками маршруту — к самому центру Галактики. Мне было шестнадцать, когда я принял присягу, став астронавтом-исследователем. Но по инструкции должен был ещё два года пребывать в карантине. В течение тех двух лет мы работали на одной из планет Гриды, где я занимался ботаникой — выращивал цветы в неприспособленной для растительности почве. Помню, как в начале нашего пребывания там произошло событие огромной важности. Впервые не в звездолёте, а на планете, пусть чужой нам, но

всё же планете, родился ребёнок. И этим ребёнком был ты, Глеб! Всем экипажем мы радовались первому произнесённому тобой слову. В полуторагодовалом возрасте ты был большим шалунишкой: часто прибегая ко мне в оранжерею, ты бегал прямо по клумбам и рвал с таким трудом выращенные мною цветы. И вот тогда, глядя на тебя, родившегося и сделавшего свои первые шаги на планете, я, перечитавший все имеющиеся на «Поиске» приключенческие романы, пересмотревший все видеофильмы, грезивший романтикой исследований новых, ещё неизвестных миров, впервые подумал о Земле. И однажды вдруг ясно понял, что рождён для того, чтобы строить в пустынях города и выращивать на скалах цветы. Это моё призвание! Но я должен был стать исследователем. Я принял присягу и потому должен был до конца жизни остаться исследователем и умереть им, подчиняясь, как и все, одной цели: достичь галактического ядра. И, как у всех нас, у меня не было выбора. С того времени прошло шестнадцать лет. Я множество раз совершал высадки на различные планеты в различных системах и, постепенно набравшись опыта, стал командиром десанта. Всегда, когда я возвращался после очередной экспедиции, ты радостно встречал меня. Мы долго разговаривали с тобой о звёздах, о планетах, о не открытых ещё мирах. Я видел, как загорались твои глаза — ты мечтал поскорее стать исследователем. Когда же произошла та трагедия, когда твои родители, исследуя звёздную систему Верен, неожиданно попали в зону влияния чёрной дыры и исчезли бесследно, я стал твоим братом. Но, Глеб, среди всех нас (и даже с тобой) я всё чаще и чаще чувствовал себя одиноким. Когда я начинал говорить о планетах, о городах, об оранжереях, меня никто не понимал. Даже не пытался понять. И вот теперь, когда мы за немыслимое время — за три с половиной сотни световых лет — почти достигли ядра Галактики, здесь, на обречённой планете, названной моим именем, я встретил понимающего меня до конца и разделяющего мои мысли человека!

— Человека?! — вырвалось у меня.

— Да, Глеб. Че-ло-ве-ка,— спокойно произнёс Майкл.— Исследовать свою половину планеты я закончил намного

раньше отведённого мне времени. Опыт изучения подобных миров у нас накоплен богатый, и я, сделав несколько анализов, понял, что ничего интересного для нас планета не представляет. Уже возвращаясь к планетолёту, я вдруг увидел зависшую капсулу. Ты бы знал, каких умственных и физических сил стоил мне подбор радиокода, однако всё же я посадил капсулу и открыл люк. Глеб, там был человек! Там была ОНА! Понимаешь — ОНА! Я не буду вдаваться в подробности, скажу лишь то, что мы поняли друг друга очень скоро. Она тоже астронавт, и их звездолёт также находится недалеко от Проспера. Не исключено, что «Поиск» их уже зарегистрировал или даже установил с ними контакт. Но сейчас дело не в этом. Дело в том, что мы поняли друг друга и решили остаться здесь. Понимаешь? Остаться. Кстати, у них тоже есть традиция называть планеты именами членов экипажа. И эта планета носит её имя. Планета Дия. Ты извини меня, Глеб, за спешку и сбивчивость, но я тороплюсь и совсем не готов к такому разговору. Я знал, что ты меня не захочешь понять, и потому, вернувшись к планетолёту, оставил для тебя видеозапись, в которой всё постарался объяснить. Но, зная тебя, зная то, что никакое объяснение тебя не удовлетворит, я вмонтировал в кресло прибор ОСА. Получилось бы так: после окончания записи и автоматического отключения монитора срабатывал ОСА, ты погружался в сон, автопилот включал зажигание, и планетолёт в автоматическом режиме брал курс к «Поиску». Однако, сделав небольшую поправку на твою неопытность, я принял ещё одну меру предосторожности: спрятал свой винтолёт здесь. Я давал сто к одному, что именно здесь ты его не обнаружишь. Но я недооценил тебя, Глеб, ты растёшь на глазах.

Майкл замолчал, но замолчал только на секунду и тут же, не дав мне опомниться, продолжил:

— Ты только не подумай, что я сошёл с ума. Я знаю, что ты сейчас держишь большой палец руки на синей кнопке ОСА и буквально горишь желанием посмотреть на стрелку, как знаю и то, что если она хоть немного поколеблется в сторону, ты не замедлишь нажать на красную кнопку, чтобы привести меня в горизонтальное положение. Ты не увидишь колебаний, Глеб. Их нет и быть не может. Можешь достать свой прибор.

Я вынул ОСА — стрелка действительно стояла на нуле.

— Ну что, Глеб? — Майкл улыбнулся.— Вот видишь? Я в здравом уме и остаюсь здесь. Мы остаёмся. Я и она. И нам совсем не страшны ни ливень, ни ураган, ни разгневанный Проспер!

Майкл встал. Лицо его светилось. Глаза блестели. Я ещё раз взглянул на ОСА — стрелка на приборе словно прилипла. И тут я вспомнил об «эффекте магнитной горы»! Том самом эффекте, когда стрелка компаса указывает не на север, а на находящуюся невдалеке магнитную гору. А ведь здесь, на этой незнакомой планете, можно ожидать всего что угодно! Конечно, это не что иное, как «эффект магнитной горы»! Как же я не догадался об этом раньше?!

— Прости, Майкл,— как можно спокойнее проговорил я, перекинув большой палец руки с синей кнопки на красную и направляя ОСА на Майкла.— Но только так я смогу остановить безумие.

И в тот самый момент, когда я собрался нажать на кнопку, из пещеры вышел человек. На мгновение я переключил своё внимание туда, и этого мгновения оказалось достаточно для Майкла. Он стремительно бросился ко мне, перехватил руку и ударом в плечо сбил с ног.

— А теперь ты прости меня, Глеб,— крикнул он, направляя ОСА на меня.— Прощай!..

Я ничего не успел сказать: тут же почувствовал острую боль в области живота. Казалось, что кожа моя разрывается и внутри тела образовывается пустота. К горлу подступил ком, и я, задыхаясь, мутным затухающим взором успел разглядеть красивое женское лицо, немного испуганное и удивлённое...

4.

...Передо мной было большущее окно, за ним внизу — ровная площадка, а на горизонте — едва различимый ствол звездолёта. Осмотревшись, я обнаружил себя полулежащим в кресле в просторной комнате, рядом со мной по левую сторону стоял небольшой столик с несколькими тумблерами и фужером с прозрачной жидкостью. Я почувствовал жажду, и рука невольно потянулась к фужеру.

— Как чувствуешь себя, Глеб? — неожиданно услышал я голос нашего командира и повернулся вправо.

На вмонтированном в стену и почти невидимом экране появилось лицо Павла, а затем ещё одно — какого-то незнакомого мне человека.

— Вроде бы неплохо,— сказал я, не найдя от волнения других слов.

— Выпей напиток, он освежит тебя,— сказал Павел, кивнув на стакан.— Позволь представить тебе капитана звездолёта «Сантурия» — человека из другого конца Галактики. Как видишь, внешне он ничем не отличается от нас.

Я сделал пару глотков и мгновенно почувствовал прилив сил.

— Да, действительно, мы очень похожи,— сказал без всякого акцента седой капитан.— Я даже научился неплохо играть в вашу древнюю игру.

Капитан кивнул на стоявший между ним и Павлом столик, и я увидел, что они играли в наши земные шахматы.

— Тебя, наверное, Глеб, интересует, где мы сейчас находимся? — снова спросил Павел и тут же пояснил: — На искусственной планете. Мы и экипаж «Сантурии» в гостях у высокоразвитой цивилизации.

— Ещё одной? — только и воскликнул удивлённо я.— За триста световых лет «Поиск» не встретил ни одной развитой цивилизации, а тут — сразу две?

— Представь себе, да! — Павел улыбался.— После того как экипажи планетолётов отправились для изучения планет Проспера, мы зафиксировали неизвестные сигналы и вскоре установили контакт с ними, а затем и с экипажем «Сантурии». Так мы узнали о том, что загадка ранней вспышки Проспера в том, что вспышка эта вызвана искусственно, и вызвана она тем, что система Проспера оказалась наиболее подходящей для будущего обитания высокоразвитой цивилизации, которая после гибели их родной планеты вынуждена была искать себе пристанище. Эта небольшая по их расчётам вспышка погубит только четыре планеты из семи. Причём четвёртая из них — планета Майкла — сыграет роль щита, разлетевшись на рой астероидов и защитив остальные три, на которых произойдёт химическая перестройка атмосферы, и, по всем расчётам, при активном участии человека там зародится новая жизнь. Ты понимаешь, Глеб, каких высот может достичь

человеческий разум? И это ещё не всё. Они поделились с нами рецептом препарата «вечного и однообразного состояния организма». А это значит, что после применения этого препарата мы останемся навечно в том возрасте, в котором находимся сейчас. Мы будем бессмертны, Глеб! Мы сможем вернуться на Землю и увидеть планету наших предков! Мы передадим этот рецепт землянам, и все люди станут бессмертны!

— Майкл очень хотел увидеть Землю,— негромко сказал я.

— Да, Майкл...— проговорил после паузы Павел.— Интуиция опытного исследователя подсказала ему отправить тебя раньше первоначально намеченного времени. Ты едва успел выйти из зоны вспышки. Ну что сделаешь? К сожалению, он сделал свой, только ему понятный выбор. Ладно, Глеб, отдыхай. Часа через два с тебя снимут карантин, и мы пойдём в зал просмотра. На всех семи планетах до самого взрыва работали телекамеры. Нам пообещали показать запись с четвёртой планеты. Там должен быть Майкл.

— Я никогда не смогу понять его, Павел.

— Понимаешь, Глеб, может быть, я скажу немного банально, но ты ещё совсем молод и только начинаешь жизнь исследователя, а потому тебе ещё незнакомо чувство тоски по твёрдой и надёжной почве под ногами, по цветущему лугу, по голубому небу, по прозрачному и холодному горному ручью... Тебе ещё ничего неизвестно о планетном синдроме среди астронавтов, многие годы пребывающих в космосе. Это ещё предстоит изучить. Пока же я могу сказать тебе одно: человек рождён для жизни на планете и должен жить в своей, созданной для него, среде. Любое отклонение от нормы ведёт к перекосу психики, и не исключено, что в конце концов оно приведёт к мутации не только организма, но и сознания. Природа всё равно берёт своё — даже спустя многие поколения земные корни не отпускают нас. Майкл чувствовал их острее, чем другие. Вот теперь мы получили препарат бессмертия. Мы рады, но кто знает, какими побочными явлениями отзовётся на нас, на наших потомках его применение? К чему, в конце концов, мы придём, нарушив ещё один закон природы? Однако об этом потом, Глеб. Набирайся сил. До вечера.

5.

Несколько часов спустя перед огромным экраном в зале просмотра собрались почти все члены экипажей звездолётов «Поиск» и «Сантурия».

И вот экран засветился. Я узнал высокогорное плато. Объектив камеры скользнул по вершинам скал, а затем опустился ниже, и мы увидели...

На фоне темнеющего неба стоял Майкл, а метрах в десяти от него, присев на корточки, склонилась, разглядывая какой-то камень, необыкновенно красивая девушка...

— Это Дия — дочь капитана «Сантурии»,— сказал мне шёпотом Павел.

— Как всё-таки похожи друг на друга люди, в какой бы части Галактики они ни жили. И какая всё-таки великая сила — любовь,— проговорил седой капитан.

— Смотрите, смотрите! — воскликнула Людмила.— Они собирают вместо цветов красивые камни!

...Дия встала, ещё раз взглянула на камешек и, зажав его в ладони, пошла к Майклу. Майкл тоже двинулся ей навстречу. И в это время почва под их ногами качнулась. Дия, не удержавшись, упала. Майкл бросился к ней. Но сильный боковой ветер мешал ему и относил в сторону. Дия нашла силы, чтобы подняться и пойти ему навстречу. Протянув вперёд руки, преодолевая порывы ветра, они всё же приближались друг к другу. И вот уже между ними осталось шагов десять, вот восемь, вот пять, вот ещё меньше. На секунду мне показалось, что в руке Дии вместо камня распустился прекрасный цветок. Почва снова качнулась, на этот раз они устояли и снова ринулись друг к другу. Но едва пальцы их рук сомкнулись, как вырвавшееся откуда-то снизу гигантское багровое зарево заглотило обоих и заполнило собою весь огромный, в треть зала, экран...

1988